

Соваков Борис Николаевич

О ГЕРМЕНЕВТИКЕ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА

В статье приводится систематизация основополагающих тезисов философско-правовых взглядов И. А. Ильина.

Показано, что философия этого мыслителя активно использует метод внутритекстовой интерпретации, что позволяет говорить о герменевтике в трудах И. А. Ильина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 149-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

EXHIBITION MOVEMENT IN PROVINCIAL RYAZAN' IN THE FIRST THIRD OF THE XXTH CENTURY

Maiya Vladimirovna Semina

Department of History and Theory of Christian Art
Orthodox St. Tikhon Classical University in Moscow
se-maya@yandex.ru

The long-term practice of exhibition activity which existed throughout the first three decades of the XXth century became the dominating form of the artistic life of provincial Ryazan'. The unprecedented vitality of exhibition seasons the formation of which was promoted by the private initiative of 1906 and which subsequently had continuation in the cultural space of soviet epoch represented by the leader – «Association of Artists of Revolutionary Russia» - proved that in the historical dynamics of provincial culture the whole phenomenon was formed. The application of retrospective approach allowed clearing out the essence of this exhibition movement.

Key words and phrases: Russian provincial culture; Ryazan'; the XXth century; artistic life; exhibition activity; exhibition movement.

УДК 1(091)(470)

В статье приводится систематизация основополагающих тезисов философско-правовых взглядов И. А. Ильина. Показано, что философия этого мыслителя активно использует метод внутритекстовой интерпретации, что позволяет говорить о герменевтике в трудах И. А. Ильина.

Ключевые слова и фразы: философия; герменевтика; понимание; интерпретация; право; дискурс; толкование.

Борис Николаевич Соваков, к. филол. н.

Кафедра гуманитарных и социальных дисциплин

Калужский филиал Российской правовой академии Минюста РФ

bsovakov@mail.ru

О ГЕРМЕНЕВТИКЕ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА[©]

Часто бывает, что судьба отдельных мыслителей отражается на их идеях, которые подвергают искажению, клевете, остракизму. Все это вполне относится к философскому наследию выдающегося русского мыслителя XX века Ивана Александровича Ильина. Вынужденно эмигрировав из России в 20-х годах, он долгое время жил на чужбине, одинаково сталкиваясь с непониманием как оставшихся на родине, так и собратьев по эмиграции. И не будет преувеличением сказать, что многие взгляды Ильина по сей день остаются непонятыми, неосмысленными, непрочувствованными философской аудиторией современной России.

В первую очередь, это относится к философско-правовым взглядам И. А. Ильина. При этом отметим: не просто «взглядам», а к целостной философско-правовой доктрине, имеющей ярко выраженную интерпретативную форму. Это выражается в следующем. Выдвинув тезис, сформулировав какое-нибудь положение, Ильин часто далее показывает, какое рефлексивное бытие имеет этот тезис или положение. Внешне это может выглядеть подсказкой, нечто вроде «как это следует понимать», но Ильин не подменяет своим текстом мышление читателя, а *приглашает* его к совместному думанию. Подмены не получается – получается совместное смыслотворчество. Именно тот факт, что метод внутритекстовой интерпретации разного типа (в первую очередь, интерпретации собственной рефлексии) активно используется И. А. Ильиным, дает нам основание говорить о выраженности герменевтического метода в текстах этого выдающегося мыслителя, в частности в текстах, трактующих важнейшие вопросы философии права.

Что же препятствует широкому освоению текстов И. А. Ильина современным российским читателем? Ответ однозначен: непривычность текстопостроения, вытекающая из особенностей его изложения. «Возвращение» И. А. Ильина российской читательской аудитории произошло не так давно, потому и подобный метод изложения непривычен для устоявшихся канонов философского жанра. В самом деле, так ли уж многие из философов могли столь гармонично сочетать в своих текстах художественную образность с грамотной философской основой, богословские вершины с публицистическим пространством, вопросы права с христианской моралью, проблемы религиозной догматики с политическими реалиями, и все это – не выходя за пределы философии! Философия оставалась главной сферой для приложения сил и таланта И. А. Ильина, и сколь ни блестящи отдельные богословские, исторические, морализаторские, догматические, политические и т.д. его соображения и экскурсы, все это в итоге посвящено философии и философской мысли. Например, известно, что И. А. Ильину многократно предлагалось принять сан священнослужителя, но он чувствовал свое призвание как православный философ и этому призванию следовал всю жизнь.

Поэтому принципиально важным условием для понимания философского наследия Ильина будет то, что вся его мысль определяется парадигмами православного христианства. Ильин никогда не спешил садиться и писать: «Я в течение долгих лет воздерживался от писания и проверял себя всеми доступными мне средствами и способами; и, конечно, прежде всего – Священным Писанием. <...> В противоположность г. Бердяеву и его группе считаю себя в Православии не учителем, а учеником» [2, с. 419; 6, с. 445].

Не следует также забывать, что по своему «основному» образованию И. А. Ильин был юристом, и в содержательной полифонии текстов Ильина голос права звучит отчетливо и постоянно. Юридический пласт в трудах И. А. Ильина еще ждет своего исследователя, и можно без преувеличения сказать, что этот исследователь будет немало обрадован результатами своих трудов, так как правовые идеи И. А. Ильина не только высокопрофессиональны, но и оригинальны, смелы и для многих неожиданны.

В правовом аспекте, наверное, самой крупной заслугой И. А. Ильина будет то, что он оставил после себя последовательную методологию «жития в мире и с миром», целостную и стройную методологию борьбы со злом, далеко выйдя за рамки принципа, ставшего тривиальным: «*para rasem – para bellum*» (*хочешь мира – готовься к войне*). Отнюдь, И. А. Ильин усматривает необходимость борьбы со злом в самом его начале, устанавливает категории возрастания зла, формулирует критерии внутренней, духовной борьбы со злом в самом человеке и те принципы, которых следует придерживаться, когда эта борьба неизбежно выходит за рамки отдельной человеческой личности. Всякий гражданин, облеченный властью преграждать путь злу, лишь исполняет свое служение. Ильин напоминает слова апостола Павла, писавшего, что вся деятельность правителей, включая карающий меч, должна быть осмыслена как верное служение Христу Спасителю. Обратим внимание, что святой апостол писал это, когда властные структуры современного ему мира были полностью языческими или даже прямо антихристианскими! Это выносит нашу проблематику далеко за рамки религиозной морали, через евангельский принцип «богу – богово, кесарю – кесарево» прямо в мир философии права. И к расхожему житейскому принципу «добро должно быть с кулаками» дело тоже не сводится. Все гораздо сложнее. Теперь об этом подробнее.

Наиболее полно и систематично взгляды Ильина на проблему борьбы со злом изложены в его работе «О сопротивлении злу силой», вышедшей в эмиграции в 1925 году. Представляется вполне обоснованным утверждение, что это не просто система взглядов, но целостная доктрина, и доктрина философская, в которой системообразующим является метод герменевтики, поскольку на первое место в трактуемой проблематике И. А. Ильин ставит *новый ракурс понимания* проблемы борьбы со злом. И эта новизна подхода оказывается настолько существенной, что все остальные составляющие доктрины оказываются *внутренне и содержательно организованы ею*. Эти составляющие, как нам представляется, таковы: необходимость борьбы со злом, ее формы и методы, ее методология, ее нравственные и духовные основы. Но начать рассмотрение этих составляющих надо с конца, то есть с духовных основ.

Дело в том, что Ильин-юрист во всех своих правовых суждениях остается последовательным религиозным философом, к тому же – православным христианином. Это – во-первых. Во-вторых, идейным фоном, на котором излагается доктрина И. А. Ильина о сопротивлении злу, является противостояние распространенным в России начала XX века идеям Л. Н. Толстого о непротавлении злу, отголоски которых слышны по сей день. Тот ход рассуждения, в котором И. А. Ильин опровергает учение Толстого, мы оставим за пределами нашего исследования, поскольку изложить его кратко, не искажая, вряд ли возможно. При этом надо заметить, что опровержение учения Толстого Ильин делает необычайно корректно, последовательно и сдержанно. Он, собственно, «ограждает» Л. Н. Толстого, великого писателя и мыслителя, глубокоуважаемого самим Ильиным, от тех идейных заносов, в которые тот впал, начав тенденциозно трактовать вопросы духа.

Главный философско-правовой тезис Ильина, столь рельефно прорисовываемый им на многих сотнях страниц его работ, можно сформулировать так. *Право есть одна из важнейших форм реализации христианской любви в этом мире. Поэтому и борьба со злом есть также форма проявления этой любви! В этом ее пафос. Борющийся со злом нацеливает острие своей борьбы именно на зло, а не на самого злодея. Насилие над злодеем должно осуществляться в той мере, в какой это необходимо, чтобы оградить все общество (и, если это еще возможно, самого злодея) от того зла, которое он творит.*

Представляется, что в этом тезисе – вся доктрина о сопротивлении злу, как ее представляет философия права И. А. Ильина. Мы уверены, что он согласился бы с нашей формулировкой (и с нашим восклицательным знаком, что, признаемся, нетипично для философского дискурса). Но даже беглого взгляда на этот тезис достаточно, чтобы заметить, сколь многое из него можно трактовать неоднозначно. Тем более ничто столь не сложно для понимания, как очевидное [3, с. 5; 5, с. 30, 31].

Ильин трактует проблему зла одновременно с позиций философии, этики и богословия. Первая и самая большая ошибка философски неискушенных обывателей, по его мнению, такова: «зло» совсем не совпадает с тем, что «меня возмущает»; любовь совсем не есть «жалостливое содрогание при виде чужого мучения» или «удовлетворение от чужого удовлетворения». Но добро и зло нельзя рассматривать в одной плоскости: только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и закалываемый им дракон. Поэтому наивность всеуравнивающей, отвлеченной морали давно уже осознана в философии, и требовать, чтобы «все всегда» сопротивлялись злу силой или чтобы «никто никогда» не сопротивлялся силой злу, – бессмысленно. Дух человека должен быть свободен и смел, чтобы подойти к проблеме честно, не предаваясь аффектации и не опускаясь до ожесточения. Однако судить о допустимости сопротивления злу посредством физического понуждения и пресечения имеет смысл лишь при наличии следующих условий [3, с. 7, 181; 7, с. 75].

Во-первых, если дано подлинное зло. «...Налицо должна быть *злая человеческая воля*, изливающаяся во внешнем деянии. Перед судом правосознания это будет воля, направленная против сущности права и цели права; а так как духовность составляет *сущность* права и бытие живого духа есть *цель* права, то это будет *противодуховная воля* – по источнику, по направлению, по цели и по средству. <...> Всюду, где такая противодуховная и противоположная воля изливается во внешнем деянии, *встает вопрос* о сопротивлении злу посредством пресечения.

Второе условие: наличность *верного восприятия* зла, восприятия, не переходящего, однако, в егоприятие». На этом уровне решается вопрос: «следует или не следует физически пресекать злодеяние – в этом компетентен только тот, кто видел *реальное зло*, кто воспринял его и испытал... и вынес это, не заразившись; кто воспринял зло, но не принял зла» [3, с. 95-97; 7, с. 12, 13].

Интерпретационные пассажи в текстах Ильина предельно сжаты в своей развернутости; тут уж, как говорится, «из песни слова не выкинешь». Поэтому еще придется прибегнуть к развернутому цитированию.

Существенно важно различать физическое понуждение и пресечение. Они принципиально применимы тогда и постольку, когда и поскольку *внутреннее самоуправление* изменяет человеку, и нет душевно-духовных средств для того, чтобы удерживать и остановить его противодуховные деяния. Поэтому не всякое применение силы есть зло. Останавливающий злодея силой не «насилует» его убеждений, а потрясает его слепоту и вводит ему в его сознание его беспринципность. *Насильник* требует покорности себе самому; *понуждитель* требует повиновения духу и его законам. *Насильник* презирает духовное начало в человеке; *понуждитель* чтит его и обороняет. Поэтому, собственно, о несопротивлении злу в буквальном смысле слова никто из честных людей не думает [3, с. 88, 190].

Ильин, наверное, первый из философов права устанавливает градацию опасностей, стоящих за непотворением злу. И снова метод внутритекстовой интерпретации оказывается самым удобным средством для этого. Тот, кто не сопротивляется злу, тот рано или поздно его приемлет. Следующий этап – превращение себя в орудие зла, в его орган, в его рассадник, наслаждение им и поглощение им. Это неизбежно приводит к распространению «заразы зла» среди других людей и вовлечению их в погибель. Этот тезисный ряд выглядит неубедительным лишь потому, что мы вынужденно оставляем без освещения соответствующее изложение мысли Ильина, которое неоспоримо показывает действенность духовного закона: несопротивляющийся злу поглощается им и становится одержимым [Там же, с. 11].

Это неизбежно, поскольку зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий *душевно-духовный мир* – это истинное нахождение добра и зла. Внешнее состояние, поступок, взятые отдельно от породившего их душевно-духовного состояния, не могут сами по себе быть ни добрыми, ни злыми. Поэтому в жизни человека не может быть ни «добра», ни «зла», которые имели бы чисто телесную природу, и всякий поступок человека таков, каков он именно внутренне и изнутри, а не каким он кому-нибудь показался внешне. «Только наивные люди могут думать, что улыбка всегда добра» [Там же].

Задача общественно-организованного психического понуждения сводится к укреплению и исправлению *духовного самозаставления* человека (*термин Ильина – Б. С.*). Это применимо не к человеку, уже сильному во зле (что было бы бесполезным), а к человеку, слабому в добре, но еще не окрепшему во зле. Поэтому необходимо признать, что правовые и государственные законы суть не законы насилия, а законы психического понуждения, преследующие именно эту цель и обращающиеся к автономным субъектам права для того, чтобы суггестивно сообщить их воле верное направление для саморукводства и самовоспитания [Там же, с. 25].

Сначала понуждение должно состояться, а потом должны быть приняты другие, не физические меры для того, чтобы злое чувство было преодолено и преображено самой озлобленной душой. Задача понуждения состоит совсем не в насаждении вражды и ненависти, а, наоборот, в *пресечении душевного механизма ненависти и вражды, стремящегося вырваться наружу и закрепить себя в неправомерных поступках*. Если это оказывается недостаточным, то именно тогда и возникает вопрос о физическом понуждении и пресечении, сущностная разница между которыми пропорциональна психическим актам воздействия.

Поэтому внешнее физическое воздействие как таковое не есть зло уже по одному тому, что *ничто внешнее* само по себе не может быть ни добром, ни злом; оно может быть только *проявлением* внутреннего добра или зла. Тот, кто нравственно осуждает внешнее, тот или совершает нелепость, прилагая нравственные понятия без всякого смысла, или же, сам того не замечая, осуждает не внешнее, а внутреннее, которое, может быть, и не заслуживает осуждения.

Исправлению этого «внутреннего» служат те же понуждение и пресечение, только теперь физические. Злодей должен быть помещен в условия, где он не сможет творить злую волю своей души; душа его может и должна при благоприятных обстоятельствах перегореть и преобразиться. «Для многих людей лишение свободы внешнего буйства есть первое условие для приобретения внутренней свободы, т.е. духовного очищения, видения, покаяния» [Там же, с. 62].

Ильин предлагает сохранить термин «насилие» для обозначения всех случаев *предосудительного заставления*, исходящего из злой души или направляющего на зло, и установить другие термины для обозначения непредосудительного заставления, исходящего от доброжелательной души или понуждающего к благому. Тогда, например, понятию *самозаставления* будут подчинены, с одной стороны, понятия самопонуждения и самопринуждения, с другой стороны, соответствующие виды психического и физического *самонасилия*; и далее, понятию внешнего заставления будут подчинены, с одной стороны, понятия *психического*

понуждения, *физического понуждения и пресечения*, с другой стороны, соответствующие виды психического насилия над другими; и только тогда сквозь прояснившуюся терминологию впервые обнаружится сама проблема *непредосудительного заставления* и его разновидностей. Мы же снова прибегнем к цитатам, в которых И. А. Ильин дает следующие критерии.

Первое. Сопrotивляющийся «должен развивать в себе чуткость и зоркость для распознавания зла и для отличения его от явлений, сходных с ним по внешней видимости.

Второе. Сопrotивляющийся должен стремиться к постижению тех путей и законов, по которым протекает жизнь зла в человеческих душах, а также всей выработанной великими праведниками и аскетами техники его внутреннего одоления.

Третье. Выбирая в борьбе меры и средства, сопротивляющийся всегда должен мысленно начинать с духовных средств, нисходя к мерам внешней борьбы лишь постольку, поскольку духовные средства оказываются неосуществимыми, недействительными и недостаточными.

Четвертое. Обращаясь к физическому воздействию, сопротивляющийся должен всегда искать умственно и практически тот момент и условия, при которых физическое воздействие может быть прекращено, не повредив духовной борьбе...

Пятое. Сопrotивляющийся должен постоянно проверять подлинные, внутренние истоки и мотивы своей личной борьбы со злом» [Там же, с. 71].

Необходимость столь высокой твердости и ясности духа объясняется тем, что даже самая лютая ненависть есть лишь выражение «огромной трагической связи, спаявшей ненавидящего с его врагом: правда, эта связь выродилась и деградировала, но интенсивность ее только упрочилась, и часто за ней скрывается возможность страстной привязанности» [4, с. 395]. Это универсальный закон, говорим ли мы о насильственных действиях при защите Родины или при предотвращении преступления. Интерпретация, производимая Ильиным, выводит нас к пониманию диалектической связи любви и ненависти, точнее ненависти как искаженной, вырожденной любви.

Кстати, даже в сжатом, конспективно-тезисном изложении взглядов И. А. Ильина видно, что его рассуждения принципиально диалектичны. Это не что иное, как интерпретационная манифестация диалектики. Так, И. А. Ильин делает интереснейшую попытку представить ряд духовных состояний, переживаемых личностью в отношении другого человека, «сочетавшегося злу». Любовь духовная проходит ряд классических состояний удаления от того, кто утрачивает право на полноту любви. «...Они начинаются с возможно полной любви к человеку и заканчиваются молитвой за казненного злодея (курсив наш – Б. С.). Таковы в постепенно нарастающей последовательности: неодобрение, несочувствие, огорчение, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, настойчивость, психическое понуждение, причинение психических страданий, строгость, суровость, негодование, гнев, разрыв в общении, бойкот, физическое понуждение, отвращение, неуважение, невозможность войти в положение, пресечение, безжалостность, казнь. <...> Задача человека – не убегать от этих состояний, а в том, чтобы не допускать их в себе без достаточных оснований, чтобы духовно владеть ими, чтобы не давать им затмевать ясность духовного взора...» [3, с. 229, 230].

Формально это универсальное правило формулируется так: противиться злу из любви – из любви отдавая все свое, где это нужно; из любви понуждая и пресекая, где нужно; из любви уговаривая и из любви казня, и из любви не отдавая ничего своего, если это твое есть больше, чем твое, если оно есть в то же время – Божие: святыня, Церковь, Родина или их вещественное воплощение. И во всех этих своих проявлениях – и отдавая, и не отдавая, и умоляя, и казня – эта любовь не будет ни безразличием, ни самодовлеющей чувствительностью, ни робким попусшением, ни безвольною жалостью, ни соучастием.

И. А. Ильин замечает, что поддержание внешнего общественно-правового порядка само по себе не вызывает в душах расцвета христианской любви, но оно устраивает в человеческом общении тот внешний ритм миролюбия, терпимости и корректности, который неизбежно, хотя и незаметно, передается в души людей; внешний правопорядок воспитывает людей так, как это делает воинская выправка, дисциплина и отдавание чести: слагаются и крепнут навыки самообладания, координации и солидарного действия.

Через применение диалектики И. А. Ильин открывает читателю глаза еще на один из трагических парадоксов человеческой земной жизни: именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями – вступать с ними в неизбежное взаимодействие, «понуждать их злую волю, пресекать их злую деятельность и при том вести эту борьбу *не лучшими* средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным. Вести государственную борьбу со злодеями есть дело необходимое и духовно верное... Только лучшие люди способны вынести эту несправедливость, не заражаясь ей... Счастливы в сравнении с государственными правителями монахи, ученые, художники и созерцатели: им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести политику и воину, а благодарность к ним, молитву за них. Они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела» [Там же, с. 353; 5, с. 44]. Но тот, кто сопротивляется злодеям силой и мечом, должен быть чище и выше своей борьбы; иначе не он поведет ее и не он завершит ее победой, а она увлечет его, исказит его обличье и извергнет его, сломленного, униженного и порочного...

Наша статья, разумеется, не может претендовать на исчерпывающее изложение доктрины И. А. Ильина о необходимости сопротивления злу. Мы ставим вопрос так: философская проза И. А. Ильина и герменевтика права в ней. Если нам удалось обратить внимание читателя на действительность интерпретационного метода в прозе Ильина (а интерпретация является важнейшим герменевтическим приемом [8]), будем считать результат достаточным.

Список литературы

1. Евангелие от Матфея. Гл. 15. Ст. 15-22.
2. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. Т. 2. 544 с.
3. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М.: Дарь, 2005. 464 с.
4. Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М.: Дарь, 2005. 464 с.
5. Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004. 352 с.
6. Ильин И. А. Открытое письмо В. Х. Давацу // Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М.: Дарь, 2005. 464 с.
7. Ильин И. А. Поющее сердце: книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Возвращение. Минск: Белорусская православная церковь, 2008. 480 с.
8. Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы. М.: Контекст, 1989.

ABOUT LAW HERMENEUTICS IN I. A. IL'IN'S PHILOSOPHY

Boris Nikolaevich Sovakov, Ph. D. in Philology
Department of Classical and Social Disciplines
Russian Legal Academy of Ministry of Justice (Branch) in Kaluga
bsovakov@mail.ru

The author presents the systematization of the fundamental theses of I. A. Il'in's philosophical-legal views and shows that this thinker's philosophy actively uses the method of intra-text interpretation that allows speaking about hermeneutics in I. A. Il'in's works.

Key words and phrases: philosophy; hermeneutics; understanding; interpretation; law; discourse.

УДК 94(47).083

Статья раскрывает содержание деятельности общества «Русское зерно» по внедрению передового аграрного опыта зарубежной Европы в позднеимперской России. Основное внимание автор уделяет культурной, экономической и идеологической трансформации тамбовских крестьян, практикантов и экскурсантов «Русского зерна», ставших проводниками идей участкового землевладения и рационального сельского хозяйства.

Ключевые слова и фразы: агрокультурные инновации; диффузия инноваций; землеустройство; интенсивные агротехнологии; модернизация; общество «Русское зерно»; отруб; практикант; столыпинская реформа; Тамбовская губерния; хутор; экскурсант.

Николай Васильевич Токарев

Кафедра гуманитарных дисциплин

Тамбовский филиал Московского университета МВД России

n_tokarev@mail.ru

**ОБЩЕСТВО «РУССКОЕ ЗЕРНО» И РАСПРОСТРАНЕНИЕ АГРОКУЛЬТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ[©]**

Столыпинская модернизация деревни потребовала объединенных усилий российского позднеимперского государства и формирующегося гражданского общества. В обширной историографии столыпинского землеустройства уделено много места мероприятиям органов земского самоуправления и землеустроительных комиссий по внедрению новых агрокультурных технологий в крестьянских хозяйствах. Значительно менее известна роль общества «Русское зерно», возглавлявшегося братом российского премьер-министра А. А. Столыпиным, в распространении в позднеимперской России передового европейского сельскохозяйственного опыта.

Первое учредительное собрание «Русского зерна» было созвано 15 мая 1908 г. членом Государственной думы Е. П. Ковалевским, Устав общества был утвержден 2 сентября, первое общее годовое собрание состоялось 9 ноября 1908 г. [3, с. 16]. В Перми по инициативе местного губернатора А. В. Болотова 22 октября 1909 г. открылся первый провинциальный губернский отдел, а в 1913 г. отделы «Русского зерна» действовали уже в 20 губерниях и областях Российской империи [1, с. 31; 16, с. 49, 50]. В составе общества в 1911 г. значилось 80 пожизненных и 1677 действительных членов-соревнователей, а также 793 члена в отделах [8, с. 11].

Целью нового общества стало «содействовать молодым людям в приобретении земледельческих знаний и приемов путем практического обучения их у лиц, занимающихся сельскохозяйственными и кустарными промыслами как в России, так и за границей, преимущественно в славянских странах». С одной стороны, через своих членов-попечителей общество старалось «подыскивать хозяев, с примерным культурным хозяйством, и с другой стороны – через своих членов-старателей выбирать способных юношей, стремящихся усовершенствоваться в той или другой отрасли народного труда» [3, с. 14; 16, с. 8, 89].

[©] Токарев Н. В., 2011